

УДК 316.75

Семенов Гаврил Иннокентьевич

Соискатель Адыгейского государственного университета

omoldon@mail.ru

Gavril I. Semenov

Applicant for Candidate's degree of the Department
of Philosophy and Sociology of Adyghe State University

omoldon@mail.ru

ЦЕННОСТНЫЕ УСТАНОВКИ РОССИЯН В КОНТЕКСТЕ ИДЕНТИФИЦИРУЮЩЕГО ВЛИЯНИЯ ПРАВА

VALUE ORIENTATIONS OF RUSSIANS IN THE CONTEXT OF THE IDENTIFYING IMPACT OF LAW

***Аннотация.** Важным для понимания идентификационного выбора россиян является анализ ценностных ориентаций, что актуально в условиях пролонгации ценностно-нормативных разломов и кризиса базовых идентификационных матриц в российском обществе. Автор статьи полагает, что в исследовании заявленной проблемы необходимо определить право как смыслообразующую и аксиологическую основу идеологических стратегий. В статье приводится аргументация в пользу инструментальной ценности права, что выражается в возрастании влияния права на выбор социальных макроидентичностей, ориентированных на государство, и в то же время, снижение значимости права на уровне микроидентичностей как следствия минимизации правовых обязательств. В статье делается вывод, что, являясь инструментальной ценностью, право способствует сближению ценностных ориентаций россиян на основе формирования права как полудядерной ценности, сближающей позиции представителей разноориентированных идентификационных стратегий.*

***Ключевые слова:** право, ценности, социальная справедливость, идентификационные предпочтения, ценностные установки.*

***Abstract.** Important fact for understanding the identity of the choice of the Russians is the analysis of value orientations, which is important in terms of prolongation values and norms of faults and the crisis of basic identity matrices in the Russian society. The author believes that the study of the declared problem, you need to define the right as the meaning-making and axiological basis of ideological strategies. The article provides arguments in favor of the instrumental values of law, which is reflected in the growing influence of law on the choice of social microidentity-oriented state, and at the same time, the declining importance of the right level microidentity as a consequence minimize legal liabilities. The article concludes that, while the instrumental value of the*

right contributes to the convergence of value orientations of the Russians on the basis of the formation of law as main values, whatever the position of the differently oriented identification strategies.

Key words: *law, values, social justice, identity preferences, value orientations.*

Социальные настроения в российском обществе можно охарактеризовать как постоянно воспроизводимую дилемму между правом и социальной справедливостью (45% россиян). Имеется в виду, что, считая социальную справедливость наиболее консолидирующей идеей общества, не менее отчетливо выражен запрос на эффективность правовых норм. Так как идентификационный выбор ориентирован на сферу индивидуальной и групповой самореализации, влияние права осложняется тем, что наталкивается на низкую заинтересованность политикой: скорее не интересуются 41 % россиян [1]. Одновременно, именно политическая сфера в наибольшей степени, казалось бы, в наибольшей степени определяет отношение к праву в качестве идентификационного критерия, поскольку воздействие права, как мы заметили, касается сферы взаимоотношений личности и государства.

Акцентируя внимание на этом моменте, можно сказать, что право, как ценность, относится к разряду либеральных или модернизационных ценностей. Но, позитивные идентификационные стратегии имеют явно выраженный патерналистский контекст, что с правом связывается и политическая лояльность, как залог реализации социально-опекунских отношений, и ценность сильного государства, и оценка россиянами своего влияния на дела в обществе.

Анализ идентификационных предпочтений россиян определяется принятием абстрактно-символического влияния макроидентичностей и реальным, связанным с ощущением внутренней общности, принятием социальных микроидентичностей. Этот момент необходимо учитывать, так как сама идея о жизни в справедливом обществе, как реализуемая, разделяется только 10,4 % россиян [2]. Можно сделать вывод о разрыве между идеальным и оптимальным, то есть соотносимым с реальными возможностями, состоянием общественной жизни; также как и с тем, что принятие социальных макроидентичностей является выражением идеального состояния, в то время как социальные микроидентичности соотносятся с реальными возможностями, с социально-практическим чувством.

При этом, наблюдаются различия в степени оценки влияния права как на уровне социальных макроидентичностей, так и на уровне социальных микроидентичностей. Если по отношению к социальным макроидентичностям право сдает свои позиции по сравнению с ролью государства как независимый регулятор общественной жизни, социальные микроидентичности исключают чрезмерность включения правовых норм

как формальных и несоотнесенных с разделяемыми ценностно-мотивационными установками. Другими словами, эти нормы включаются, если не противоречат социальному самоопределению на уровне близких, коллег или, в какой-то степени, этнической солидарности.

Следует подчеркнуть, что ценностные установки россиян характеризуются конфликтностью. Можно говорить о том, что, не допуская жестокости, неприязни к жизни, измене Родине, отрицательное отношение к этим явлениям демонстрирует подавляющее число россиян [3, с. 126], есть определенное ослабление моральных норм по отношению к тому, что называется сферой личной жизни, интолерантность снижается в среднем до 22 – 25 % [3, с. 126].

Очевидно, что моральные нормы, хотя и декларируются, но не являются доминирующими в реализации идентификационных стратегий, так как, учитывая, что граждане осознают необходимость морального оздоровления общества, существуют определенные сложности в том, кого считать идеалом. Показатели «в качестве друга» 29,9 % [3, с. 128] свидетельствуют о том, что в обществе исчезло консолидирующее влияние моральных ценностей на уровне очень важных для россиян персонифицирующих значений, как мы это видим в политике.

Право, как деперсонифицированная и социально-анонимная норма, также воспринимается неоднозначно. С одной стороны, признавая ценность права для поддержания минимального социального порядка и сохранения государства, массовое сознание не считает необходимым ориентироваться на авторитет в сфере права, как идентификационный ориентир. С другой стороны, так как право воспринимается как эгалитаристский принцип, поддерживается идеей реализацией равенства возможностей и взаимной правовой ответственности, возникают трудности, связанные с тем, кого считать выразителем ценности права.

Поясняя эту мысль, можно сказать, что в системе интравертных ценностей понятие честно прожитой жизни разделяют только 7,5% молодежи [3, с. 130]. Право в этом отношении имеет более притягательный смысл, поскольку не содержит императивности в отличие от занятой позиции, не вынуждает респондентов прибегать к стратегии лицемерия.

Так как идентификационные стратегии имеют в своей основе укоренность социальных идентичностей в их индивидуализирующем и групповом значении, социальные макроидентичности не становятся осмыслением жизни общества и самоопределением в обществе по отношению к другим [4, с. 31]. Доминирование морали индивидуализма часто связывается с приходившимся на 1950-е годы массовым производством и массовым потреблением. Мораль нового среднего класса проявляет себя как причина и следствие легализации и совершенствования новых подходов в жизни и потреблении, уверяет автор [4, с. 31].

Социальные микроидентичности, мотивируются правовым измерением в той степени, в какой право воспринимается как желательное

качество личности. В российской культуре пока еще обязательность, которая оценивается позитивно 30,1 % людей [3, с. 131], не воспринимается как следствие развитой правовой культуры, в то время как целеустремленность (48,9 %) и уверенность в себе (48,7 %) в большей степени характеризуют другую оценку – большую ориентированность на мнение других, чем на собственное мнение. Это связано с общим укоренившимся в российском обществе представлении о том, чтобы не демонстрировать слабость, собственные проблемы, не заниматься моральной рефлексией и быть откровенным себе.

В этом проявляется влияние «внешних» перемен, связанных с монетизацией социальных отношений и с сужением круга социального общения. Принятый в качестве идеала образ умного и целеустремленного человека, уверенного в себе привлекателен как сборный, противоречивый образ, и отражает влияние неправовых установок на формирование идентификационных стратегий.

Примечательно, что 57% опрошенных в России заявляют, что поступаются свободой ради материального благополучия [5, с. 129]. Таким образом, можно сказать, что для этой позиции характерен отказ от правовой свободы. Разумеется, мало кто решится поступиться свободой неправовой, свободой в сфере частных, межличностных отношений. Снижая ценность права, которая может, как условие правовой свободы, влиять на идентификационный выбор, респонденты охотнее склоняются к неправовым субъектно-мотивационным установкам. Позиция «иметь надежных друзей» означает в некоторой степени, что респонденты ориентируются на несоблюдение правовых обязательств, ведь с другом можно действовать и с нарушением правовых обязательств или быть просто необязательным.

Данные, представленные М.К. Горшковым и Ф.Э. Шереги показывают, что российская молодежь, как наиболее референтная группа молодежи, выявляет ценность патриотизма в зависимости от того, считает ли российское государство правовым демократически или нет (таковых 43,7 %) [3, с. 79]. Расхождения в том, что факторы микроидентичности имеют меньшее значение, чем системные факторы, вроде бы опровергаются этой позицией. Но как мы выявили в ходе диссертационного исследования, патриотизм в большей степени предназначен, также как и ощущение себя гражданами России, для внешнего потребления и не ведет к переносу на укрепление чувства внутренней общности.

Тяга населения к принятию имеющих абстрактно-символический характер социальных макроидентичностей (гражданской, этнической) определяется инструментальной ценностью права. Возрастает значение правовых норм как имеющих значимость для того, чтобы демонстрировать политическую лояльность, что мы имеем дело, когда мы говорим о сторонниках абсолютной законопослушности, или занимать позицию

фронды по отношению к государству, демонстрируя то, что не граждане существуют для государства, а государство для граждан. Характеризуемая фрондой позиция состоит в том, что запрос на защиту гражданских прав и свобод не сопровождается повышением правовой ответственности населения и демонстрирует желание создать ситуацию одностороннего движения.

Поэтому неудивительно, что право, измеряемое также инструментальным критерием, оценивается невысоко в качестве основного принципа формирования идентификационных стратегий. Инструментальный подход также выражается в том, что, не имея ничего против демократии, базовых прав и свобод, подавляющее большинство россиян не видят право в качестве безусловной ценности для соизмерения причисления к макро- или микроидентичностям. С другой стороны, примечательно и то, что в массовом сознании, хотя лишь 4 % стремятся к лучшей жизни [6, с. 59], 54 % хотели бы обладать необходимой мерой социальной уверенности, твердом и гарантированном заработке и уверенностью в завтрашнем дне.

Макроидентичности мало способствуют уменьшению социальной неопределенности, так как гражданский статус не связывается с социальными и трудовыми права. Этот недостаток компенсируется на уровне социальных микроидентичностей, где, как было отмечено ранее, правовые нормы также не содержат гарантии уверенности в будущем. Можно заключить, что включенность права в субъективно-мотивационные основания идентификационных стратегий, хотя и прослеживается на уровне модернистских слоев населения в связи с ценностью демократии, слабо выражена в том, что называется реализуемыми идентификационными стратегиями.

Социальные микроидентичности способны обеспечить стабильность существования. Но замыкание в частной жизни приводит к тому, что минимизируется влияние социальных макроидентичностей, как содержащих социальную тревогу, как то, что делает индивида и привносит сложности в проекты жизнеустройства, отвлечения на не нужные общественные цели. В массовом сознании, таким образом, ценность права соизмеряется с тем, чтобы разделить микроидентичности на макроидентичности. При этом принятие макроидентичностей российской этнической связано с иерархией личностных смыслов, с тем, чтобы подтвердить патерналистское или модернистское реноме.

Характерно также и то, что патриотическое чувство любви к своей родине (96,3 %) [7, с. 109] не означает, что существует общественный консенсус относительно актуализации социальной макроидентичности как идентичности, побуждающей к общественно активной позиции. В иерархии ценностей россиян любовь к родине носит характер ритуального. В социальных микроидентичностях уровень запроса снижается до того,

чтобы обеспечить стабильность и безопасность своей семьи и заботиться о своих близких.

Можно сделать вывод, что право, принимаемое как способ регулирования в отношениях с другими на уровне социальной идентичности, не способствует включению права как фактора социальной консолидации в контексте социальных макроидентичностей. Если граждане ощущают конфликт интересов на социальном макроуровне и руководствуются ими, в восприятие социальной макроидентичности вводятся конфликтогенные факторы, связанные с взаимными претензиями и соревнованиями по поводу благосклонности к государству.

Как пишет М. К. Горшков, на этом основании можно сделать вывод, что, несмотря на слабую тягу россиян к ценностям преуспевания [8, с. 291], обнаруживается, что право объективно воспринимается как маркер или инструмент достижения преуспевания, в некоторой степени снижая мотивацию к социальной и деловой активности.

Характеризуя ценностные сдвиги в настроениях россиян, нельзя ожидать наступления периода доминирования гражданских и правовых ценностей. В российском обществе самый высокий уровень неудовлетворенности жизнью фиксируют профессионалы. Они получают больше, чем другие категории, но их ожидания выше. Профессионализм должен приводить к результатам, а он не приводит. Это рождает очень сильные эмоции [9].

К такому выводу приходят и авторы исследования о среднестатистическом россияnine. Но при этом остается чувство неудовлетворенности самим заключением, поскольку не учитывается, что в российском обществе ценностный распыл определяется и трансформационными изменениями, и тем, что правовые ценности не могут претендовать на доминирующую ядерную роль, так как не сформировался центр ценностного притяжения - группа, ценности которой могли бы рассматриваться для общества как ориентиры. Изменения ценностных установок определяются тем, что каждая социальная группа в той или иной степени хочет «преобразоваться», выбирает общезначимыми одобрение ценностей, которые, как подчеркивает Н.И. Лапин, характеризуются сближением инструментальных и терминальных ценностей [10, с. 677]. Россияне демонстрируют в целом верность общечеловеческим ценностям на уровне различения добра и зла, поддерживают моральный порядок, но при этом рассматривают ценность права в отрыве от, собственно, моральных ценностей.

Примечательно, что, подводя итог 2013 года, только 5 % говорят об укреплении доверия к людям [11]. Таким образом, можно сказать, что недостаток моральной нормы доверия к людям и отношение к праву как показателю фиксированности недоверия и избегания социальных рисков, создают возможности перевода права в субъектно-мотивационные основания на уровне абстрактно-символических идентичностей,

макроидентичностей, где уверенность в людях не выступает залогом социальных ожиданий, где приверженность макроидентичности трактуется по традиции (патриотизм) или ориентирована на ценность государства.

Характерно, что 78 % заявляют, что у них осталась прежней вера в себя. Это очень важный момент, который фиксирует, что право в российском обществе ограничено и тенденцией чрезмерного индивидуализма, тем, что, сосредотачиваясь на себе, россияне не нацелены на то, чтобы использовать ценность права для подвижек в сторону консолидации или взаимопонимания. Надежды, возлагаемые на семью, как единственно допустимую группу, стимулируют кризис семьи, поскольку семья становится, с одной стороны, жертвой чрезмерных ожиданий, с другой – воспринимается как добровольный акт, не связанный с правовыми и иными последствиями.

Считая, что в российском обществе сохраняется и воспроизводится ценностный раскол, имеется в виду, что для россиян существует понятие обезличенно анонимной судьбы и индивидуальной траектории, в которой индивидуальная траектория определяется уверенностью в себе, в то время как обезличенная, общая судьба воспринимается негативно. То, что на субъектно-эмоциональном уровне именно осознание общей судьбы может способствовать укреплению, подтверждено идентификационным процессом на уровне макроидентичности. Чрезвычайно важным для понимания ценностного раскола является то, что многообразие ценностей не вызывает энтузиазма у большинства россиян (43 %) [12].

Вместе с тем, позиционируется индивидуализм. Однако, судя по вышеприведенным данным, общность одиноких наиболее ярко и наглядно проявляется только в дефиците позитивной мобилизации и нацеленности на негативную мобилизацию. Ценность права определяется маркером своих и чужих или возможностью, как мы отмечали ранее, круга оценки, оценки мнения с позиций других. При такой постановке проблемы только 25 % людей ценят в других законопослушание, что ниже авторитета трудолюбия, предприимчивости, инициативности и честности [12]. Можно предположить, что для россиян законопослушание находится на периферии ценностей.

Проводимое исследование не подтверждает миф о том, что общество при определенных условиях могло бы проявить готовность к участию в решении общих дел (только 18%) [12]. Таким образом, ценность права заблокирована деконсолидирующим влиянием индивидуализации. В этой ситуации важно, что воздействие права, как ценности, на идентификационные стратегии, во-первых, определяется заниженной потребностью в консолидирующих идентичностях (природу влияния абстрактно-символических идентичностей, как формальных или направленных на внешнее потребление, мы попытались обосновать). Во-вторых, тем, что идентификационные стратегии нацелены на избежание

ответственности: эту характеристику признают как востребованную 13% россиян, а считают присущем им лично только 3% [12].

Следует подчеркнуть, что инструментальная ценность права, таким образом, сокращается, поскольку непринятие ответственности также создает ситуацию востребованности права на уровне инструментальных ценностей. Определяя ценность права преимущественно к сфере государства и выключая правовые нормы из установки на определенные идентификационные стратегии, идентификационный выбор, можно говорить и о деинструментализации права, о том, что, переставая быть инструментальной ценностью, право, как терминальная ценность на уровне социальных микроидентичностей (движение к правовому государству), зависит от того, что в массовых настроениях идеальность правового государства в значительной степени сокращает востребованность в инструментальности права, которое не в состоянии быть замещающим механизмом в условиях морального одиночества, и вызывает интерес только преимущественно репрессивно-принудительным потенциалом по отношению к другим, к тем, кто допускает опасное разнообразие.

Литература

1. *Интерес к политике.* – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.levada.ru/2013/12/16/interes-k-politike/>.

2. *О чем мечтают россияне?* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.isras.ru/analytical_report_o_chem_mechtayut_rossiyane.html.

3. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. *Молодежь России: социологический портрет.* – М.: ЦСПиМ, 2010. – 592 с.

4. Яцино М. *Культура индивидуализма.* – Х.: Гуманитарный центр, 2012. – 280 с.

5. *Новые идеи в социологии: монография / отв. ред. Ж.Т. Тощенко.* – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. – 479 с.

6. Петухов В.В. *Демократия участия и политическая трансформация России* – М.: Academia, 2007. – 176 с.

7. Барбашин М.Ю., Барков Ф.А., Волков Ю.Г., Гвинтовкин А.Н., Садко Д.О., Черноус В.В. *Двадцать лет реформ в России глазами жителей Ростовской области. Кол. монография. Отв. ред. Ю.Г. Волков* – Ростов н/Д: Антей, 2012. – 172 с.

8. *Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики) / М. К. Горшков.* – М.: Новый хронограф, 2011. – 672 с.

9. *Россиянин, которого нет // Огонек. 2014. № 6.* – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2404691>.

10. *Общая социология. Хрестоматия / Сост. А.Г. Здравомыслов, Н.И. Латин; Пер. В.Г. Кузьминов; Под общ. ред. Н.И. Латина* – М.: Высш. гик., 2006. – 783 с.

11. *Итоги 2013 года.* – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.levada.ru/2014/01/13/itogi-2013-goda/>.

12. *Готово ли российское общество к модернизации.* – [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.isras.ru/analytical_report_modernization.html.

Literature

1. *Interest in policy.* – [Electronic resource]. Access mode: <http://www.levada.ru/2013/12/16/interes-k-politike/>.

2. *What Russians dream of?* [Electronic resource]. – Access mode: http://www.isras.ru/analytical_report_o_chem_mechtayut_rossiyane.html.

3. *M. K. pots, F. E. Molodezh's Sheregi of Russia: sociological portrait.* – М.: ЦСПиМ, 2010. – 592 pages.

4. *Yatsino M. Culture of individualism.* – X.: Humanitarian center, 2012. – 280 pages.

5. *The new ideas in sociology: monograph / omv. edition of Zh. T. Toshchenko.* – М.: UNITY-DANA, 2013. – 479 pages.

6. *V. V. Demokratiya's roosters of participation and political transformation of Russia* – М.: Academia, 2007. – 176 pages.

7. *Barbashin M. Yu., Barkov F. A., Volkov Yu. G., Gvintovkin A. N., Cage D.O., Chernous V. V. Twenty years of reforms in Russia eyes of residents of the Rostov region. Stake. monograph. Omv. an edition Yu. G. Volkov* – Rostov N / Д: Antya, 2012. – 172 pages.

8. *The Russian society as it is: (experience of sociological diagnostics) / M. K. Gorshkov.* – М.: New chronograph, 2011. – 672 pages.

9. *The Russian who is absent//the Spark.* 2014. No. 6. – [Electronic resource]. Access mode: <http://www.kommersant.ru/doc/2404691>.

10. *General sociology. Anthology / Sost. A. G. Zdravomyslov, N. I. Lapin; V. G. Kuzminov Lane; Under a general edition of N. I. Lapin* – М.: Vyssh. geek., 2006. – 783 pages.

11. *Results of 2013.* – [Electronic resource]. Access mode: <http://www.levada.ru/2014/01/13/itogi-2013-goda/>.

12. *Whether the Russian society is ready to modernization.* – [Electronic resource]. Access mode: http://www.isras.ru/analytical_report_modernization.html.